
ИДЕИ И ПРАКТИКА

А.Н. КУЛИК

МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ: К ВОПРОСУ О РОЛИ ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В УСТАНОВЛЕНИИ ПОВЕСТКИ ДНЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Формирование национальной повестки дня как картины желаемого будущего, без которой теряется самый смысл существования общества, является наиболее сложным и ответственным политическим проектом. Публичность этого процесса и участие в нем интеллектуалов имеют решающее значение для успешного развития нации. Проблема ответственности интеллектуалов перед обществом – предмет постоянной рефлексии в дискурсе социально-гуманитарного научного сообщества на Западе и в России².

Интеллектуалов, активно вовлеченных в публичную политику, Роберт Даль называет элитами публичной политики – *public policy elites* [Даль, 2003, с. 510].

Публичные интеллектуалы не составляют организованного профессионального сообщества со своими групповыми интересами и могут являться специалистами в разных сферах деятельности. Однако для участия в формировании национальной повестки дня требуются профессиональные знания из комплекса общественно-

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом РГНФ № 13–0300553 а.

² Противопоставление российской интеллигенции западным интеллектуалам, на наш взгляд, не оправдано.

научных дисциплин, носителями которых являются, в первую очередь, интеллектуалы, принадлежащие к гуманитарному академическому и экспертно-аналитическому сообществам.

В предлагаемой статье предпринимается попытка найти подход к оценке возможностей участия публичных интеллектуалов в установлении национальной повестки дня России в условиях режима электорального авторитаризма, сформировавшегося в 2000-е годы.

Установление повестки дня

Повестка дня определяется как перечень проблем, подлежащих обсуждению членами некоего сообщества. Обычно она включает также и программу действий по их решению, принятую заинтересованным сообществом, и соотносится с некоторым моментом или периодом времени, который определяет ее актуальность.

Проблема возникает в сообществе тогда, когда им осознается расхождение между сущим состоянием и / или трендом развития и состоянием желаемым. Осознание расхождения инициирует постановку цели и выработку программы действий по приведению сущего в соответствие с желаемым или с реально достижимым приближением к нему.

Установление *национальной повестки дня* в нормативной демократической парадигме предполагает активное *политическое* участие граждан страны, т.е. их «участие в делах государства», поскольку только государство имеет легитимные правовые и властные полномочия принимать решения на национальном уровне и распоряжаться общественными ресурсами.

В процессе принятия решений в государственном управлении установление повестки дня (*agenda setting*) является ключевой стадией. На этой стадии определенные проблемы общества идентифицируются как *политические*, т.е. как требующие для своего решения действий со стороны государства. Национальная повестка дня задает цели всей последующей политике государства, оказывая тем самым решающее влияние на социально-экономическое и институционально-политическое развитие страны.

Исследователи различают *публичную (или системную) повестку дня как совокупность проблем, необходимость решения ко-*

торых государством или с его помощью разделяется всем обществом; и политическую (или институциональную) – как набор проблем, принятых властью к рассмотрению в качестве приоритетных. У этих повесток разные субъекты формирования, по причине чего их содержание может не совпадать [см.: Роль СМИ ... 2012].

В открытых политических системах формирование публичной повестки дня – это та область политической деятельности, где особенно важна способность интеллектуальной элиты критически осмысливать происходящие в обществе процессы, идентифицировать болевые точки и генерировать новые идеи для формирования политических стратегий и программ государства с позиций гражданской ответственности. В то же время само государство часто выступает инициатором определения круга проблем общества, требующих решения. Однако исполняя эту функцию, государства нередко исходят из корпоративных интересов правящей верхушки, а также ее стремления сохранить действующий режим власти и контроль над политическими и экономическими активами.

Успех реализации целей, заявляемых властью в своей повестке дня, существенно зависит от того, насколько их разделяет общество. Данное ограничение заставляет власть стремиться к социализации своих целей, воздействуя всеми имеющимися в ее распоряжении средствами и способами на общественное сознание.

Один из известных исследователей феномена власти Стивен Льюкс утверждает, что высшая и наиболее коварная форма осуществления власти – это предотвращение в той или иной степени возможного недовольства людей путем формирования у них таких восприятий, знаний и предпочтений, которые обеспечили бы приятие людьми своих ролей в существующем порядке [цит. по: Ледаев, 2001, с. 36].

То, чьи интересы – правящей верхушки или общества – возобладают в национальной повестке дня, зависит от публичности процесса ее формирования, участия в нем гражданского общества и, прежде всего, интеллектуальной элиты как его части.

Проблема расширения публичности политического процесса актуализировалась в состоявшихся демократиях в последней четверти XX столетия. Граждане были не удовлетворены отсутствием институциональной возможности активно влиять на политику государства в период между выборами. Недовольство общества

породило запрос на политические реформы, призванные адаптировать институты представительной демократии, сложившиеся в XIX в., к меняющемуся социокультурному, технологическому, экономическому и политическому контексту XXI в., и расширить доступ граждан к процессу принятия решений [см.: Dalton, 2003].

Падение легитимности государства в глазах общества стимулировало разработку новой концепции правления. Она предусматривала создание каналов коммуникации граждан с властью, позволяющих им участвовать в выработке самих *правил игры*, определяющих отношения между ними, и осуществлять *контроль* над тем, как эти правила соблюдаются. (Одно из бытующих определений политики – *борьба за право устанавливать правила игры*.) Демократический контроль был призван предотвратить вырождение института делегирования властных полномочий и превращение его в институт их отчуждения.

Третья индустриальная революция (так называемая цифровая), начало которой датируется 1980-ми годами, создала технологические предпосылки реализации этой концепции. Интенсивное развитие интерактивных информационно-коммуникационных технологий и глобальной сети Веб 2.0, стремительное расширение доступа населения к Интернету, экспансия социальных медиа, таких как форумы, блоги, социальные сети, приложения на платформе *wiki* и другие сервисы, предоставляют в распоряжение общества и его интеллектуальной элиты новые инструменты и формы коммуникации, позволяющие значительно повысить эффективность политического участия. Меняется вся парадигма отношений между государством и гражданами в сторону смещения властного потенциала от государства к обществу.

Эволюция парадигмы управления привела к появлению в начале 2000-х годов концепции *правление в сотрудничестве* (*Collaborative Governance*), которая получила практическое воплощение в *Инициативе «Открытое правительство»* (*OGI*). Мотивация – вызовы, с которыми сталкивается сегодня правительство, слишком велики, чтобы оно могло справиться с ними в одиночку [см.: Miller, 2009, р. 54–56]. Используя интеллектуальный потенциал общества, государство стремится минимизировать риск появления неблагоприятных социально-политических последствий недостаточно обоснованных решений.

В абстрактно-нормативном подходе установление национальной повестки дня предполагает, как отмечалось выше, участие в делах государства всех или, по крайней мере, большинства граждан. Для этого они должны иметь возможности и желание участвовать в политике и обладать знаниями о функционировании политической системы, достаточными для принятия рациональных решений.

В отличие от этой абстрактно-нормативной посылки, население большинства стран в массе своей далеко не всегда обладает необходимым знанием о политике и желанием принимать в ней участие¹. Р. Даль, ссылаясь на данные по ряду стран, утверждал, что последовательная система политических убеждений присуща лишь незначительному *меньшинству* людей, тогда как у *большинства* она находится на зачаточном уровне [Даль, 2003, с. 401].

Выход из ситуации, когда большая часть граждан не обладает должным знанием и желанием участвовать в политике, видится на теоретическом уровне в конституирующих принципах теории *делиберативной демократии*. Ее интерпретация демократии отличается от традиционной тем, что главным источником легитимности власти в современном фрагментированном обществе считает не победу одной из сторон (*большинства*) в результате голосования, а постоянное заинтересованное и просвещенное обсуждение актуальных проблем в публичной сфере. В общественном диалоге через сопоставление позиций, аргументов и контраргументов, рефлексию и саморефлексию формируется консенсус общественного мнения относительно ценностей и долгосрочных целей развития, отвечающих интересам всего общества, с учетом исторического, культурного и социального контекстов [см.: Зайцев, 2013].

Паттерны правления, основанные на концепции *правления в сотрудничестве*, включают элементы как представительной, так и прямой демократии, но делают акцент на повышении эффективности *общественного диалога* как на условии продуктивного взаимодей-

¹ Тенденция игнорировать политику сохраняется на протяжении десятилетий, несмотря на рост уровня образования населения и беспрецедентное повышение доступности информации благодаря широкому распространению ИКТ. Так, в США, например, в опросе 2006 г. выявилось, что 42% граждан не смогли даже назвать три ветви государственной власти. В других странах ситуация с политическим знанием не лучше [Somin, 2013].

ствия граждан с государством. Общественный диалог – поле деятельности публичных интеллектуалов.

Партисипаторная демократия как форма правления, в которой все или большинство граждан непосредственно участвуют в принятии решений, эффективна, прежде всего, на уровне местного самоуправления, где на повестку дня выносятся проблемы организации повседневной совместной жизни – формирование местного бюджета, функционирование учреждений образования и здравоохранения, утилизация бытовых отходов и т.п. Для их решения часто достаточно наличия у членов сообщества личного жизненного опыта и обыденного здравого смысла.

По мере увеличения числа, масштаба и сложности выносимых на повестку дня проблем растет барьер гражданской компетентности. Для участия в обсуждении публичной повестки дня, куда выносятся проблемы институционально-политического и социально-экономического развития страны, явно недостаточно компетенции рядовых граждан, их возможности тратить время и усилия на то, чтобы разобраться в вопросах устройства и функционирования политической системы. От участников дискуссии по таким проблемам требуются профессиональные знания в экономике, праве, социологии, политологии, демографии и других областях гуманитарного знания о жизнедеятельности общества. На первый план выходят публичные интеллектуалы, принадлежащие к научному сообществу и обладающие в силу своей профессиональной деятельности необходимым знанием.

Публичные интеллектуалы и власть

Право публичных интеллектуалов, как и всех граждан, «участвовать в управлении делами государства», а соответственно, и в установлении национальной повестки дня, закреплено Конституцией РФ. В какой мере они могут реализовать это свое право на политическое участие, т.е. на *действия и взаимодействия, имеющие целью повлиять на процесс формирования и осуществления политики органами государственной власти и их должностными лицами*, зависит, прежде всего, от характера правящего режима,

публичности процедур принятия решений и состояния гражданского общества.

Эксперты *The Economist Intelligence Unit* отнесли Россию по результатам исследования «Индекс демократии стран мира 2014» на 132-е место в совокупности 167 стран, которое находится в категории *авторитарных режимов*¹. Российские исследователи предпочитают использовать термин *электоральный авторитаризм*. Но в любом случае отличительной чертой таких режимов является сосредоточение реальной власти в руках одного человека или узкой группы людей и отстранение общества от участия в принятии решений.

Аналитический еженедельник *Коммерсантъ-Власть* в 2013 г. попытался проследить, как принимаются властью решения в сфере внутренней политики. По неофициальному свидетельству чиновников Администрации президента, как сообщает еженедельник, все стратегические решения принимает лично президент В. Путин [см.: Сурначева, 2013]. Управление внутренней политикой (УВП) Администрации обеспечивает прохождение президентских законопроектов в Государственной думе². Хотя далеко не все важные для Кремля законопроекты вносятся от имени президента, именно в Кремле придуманы и разработаны многие из громких «депутатских» инициатив. Владислав Сурков, проработавший до 2011 г. первым заместителем главы Администрации, все общественно-политическое пространство воспринимал как «абстрактный декоративный садик» и, по словам его знакомых, «не стесняясь, называл участников этой игры в партии, общество и культуру клоунами» [цит. по: Сурначева, 2013]. Не сговариваясь с ним, депутат

¹ Индекс рассчитывается по 60 показателям на основе экспертных оценок и результатов опросов общественного мнения. В первом выпуске Индекса в 2006 г. Россия занимала 102-е место и находилась в категории *гибридных режимов* [Economist intelligence unit, 2014].

² Общественное мнение, по данным Левада-центра на январь 2014 г., оценивает деятельность депутатов Думы следующим образом: 27% респондентов ответили, что деятельность Думы сводится к обслуживанию политического курса Путина, и она, прежде всего, принимает законы, инициированные Администрацией; 37% – что депутаты в основном занимаются решением своих личных проблем, 23% ничего не знают о работе Думы или затрудняются ответить; и 13% полагают, что Дума принимает законы, нужные для России [Деятельность Общественной палаты... 2014].

Государственной думы четырех созывов, член Центрального политсовета «Единой России» и действительный государственный советник РФ Евгений Федоров сравнивает Госдуму со спектаклем, а себя с артистом, чьей главной функцией является отвлечение «внимания граждан от истинных механизмов принятия решений» [Терентьев, 2014].

Хотя, как отмечает аналитический еженедельник, с приходом Вячеслава Володина стиль руководства УВП несколько изменился, «в действительности большинство методов остались прежними» [Сурначева, 2013].

Публичность политики предполагает постоянное участие интеллектуалов в процессе принятия политических решений. Одним из каналов, по которому публичные интеллектуалы гипотетически могут обратиться при поддержке общества к власти, является *Российская общественная инициатива (РОИ)* – интернет-ресурс, открытый в 2013 г. для, как заявлено, участия граждан в управлении государством через размещение инициатив по вопросам социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления. Экспертная рабочая группа РОИ, учитывая *мнение заинтересованных государственных ведомств*, должна принимать решения по набравшим более 100 тыс. подписей инициативам [Что такое РОИ, б.г.]. На 9 февраля 2015 г. рассмотрено шесть таких инициатив, до законодательного оформления не дошла ни одна [Кремль, Минюст... 2015].

Особую значимость участие публичных интеллектуалов приобретает во время президентских избирательных кампаний. В соответствии с Конституцией РФ президент определяет основные направления внутренней и внешней политики государства. Предвыборная программа кандидата потенциально представляет собой национальную повестку дня как минимум на срок президентских полномочий. В открытой политической системе кандидаты в ходе избирательной кампании представляют на суд общества конкурирующие системы целей, которые они обязуются реализовать в случае избрания. В этот период активизируются структуры гражданского общества, прежде всего экспертно-аналитические и академические сообщества. Они стремятся предложить обществу и кандидату в президенты для его программы свое видение будущего страны и пред-

ставление о комплексе требующих первоочередного решения национальных проблем.

Алексей Чеснаков, проработавший заместителем начальника УВП с 2001 по 2008 г., вскоре после президентских выборов 2012 г. достаточно четко обрисовал модель отношения власти к публичным инициативам: «В последние дни количество рекомендаций, планов и “дорожных карт” для нового президентского срока Владимира Путина, предъявленных на суд общественности экспертами, политологами и журналистами, превышает любые привычные объемы... “На стороне” писать спецплан лично для Путина нет особой необходимости – способность самостоятельно формулировать политические цели и механизмы их достижения он продемонстрировал в недавних статьях [имеется в виду цикл предвыборных статей]. На реализацию этих целей он получил полноценный мандат на общенародных выборах, и вряд ли большинство советов тут могут что-то радикально изменить» [Чеснаков, 2012].

Отношение В. Путина к рекомендациям «со стороны» сложилось еще во время его первого президентского срока. Его полпред в Думе в то время, Александр Котенков, объяснял в 2001 г. депутату Виктору Похмелкину, когда тот попытался критиковать поправки президента в УПК: «Президент не ошибается» [Стеркин, 2013].

За последние годы интеллектуалы из академического сообщества неоднократно обращались к президенту с открытыми письмами, содержащими критику проводимой властью политики: о катастрофическом состоянии фундаментальной науки в России [Фундаментальная наука... 2009], об экономической политике [Гринберг, 2012], о разрушительной реформе РАН [Алферов, 2013] и др. Ощутимого воздействия на формирование повестки дня эти обращения не оказали.

В. Путин фактически был и остается единственным публичным, в значении *широко известным обществу*, политическим субъектом, определяющим содержание повестки дня. Таковым его, по крайней мере, представляет обществу его окружение. В. Володин заявил на форуме «Валдай» в октябре 2014 г.: «Есть Путин – есть Россия. Нет Путина – нет России» [цит. по: Сивкова, 2014].

Целеполагание для стратегического развития страны является одной из главных функций государства. Политические проекты, определяющие желаемое будущее страны, оформляются в виде

программно-стратегических документов. В соответствии с принципами *правления в сотрудничестве* они создаются в условиях публичности, гражданского участия и последующего контроля общества за исполнением принятого. Работа над национальными целеполагающими документами становится процессом гражданского диалога и институционализированного взаимодействия общества и государства, формирования консенсуса относительно приоритетов развития.

В России создание основных целеполагающих документов федерального уровня – Стратегии социально-экономического развития страны до 2010 года (Программа Грефа), Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года и Стратегии 2020 – не привело к достижению запланированных результатов. Александра Шубенкова, посвятившая диссертацию исследованию роли программно-стратегических документов в государственной политике РФ, приходит к выводу, что их неэффективность обусловлена спецификой режима, приоритетом которого является *сохранение политического статус-кво*, в то время как *реализация политики развития* – вторична [Шубенкова, 2014].

Главные полномочия в определении целей и приоритетов развития принадлежат исключительно президенту и его окружению в аппарате исполнительной власти. Принятый в 2014 г. закон о стратегическом планировании юридически закрепляет эту существовавшую де-факто модель формирования стратегической повестки дня [Федеральный закон... 2014]. В соответствии с законом президент является ключевым участником стратегического планирования на всех его стадиях; его ежегодные послания (подготавливаемые в закрытом режиме сотрудниками Администрации) поставлены на первое место в категории документов, разрабатываемых в рамках целеполагания. В то же время гражданское общество не получило институциональных механизмов участия в разработке стратегических документов в качестве партнера государства¹.

¹ В тексте закона президент в качестве главного участника процесса планирования упоминается 49 раз. Об участии гражданского общества закон говорит крайне скупо и неопределенно: «К разработке документов стратегического планирования *могут* привлекаться объединения профсоюзов и работодателей, общественные, научные и иные организации с учетом требований законодательства Российской Федерации о государственной, коммерческой, служебной и иной охра-

Описанная практика принятия решений не означает, что Администрация президента не пользуется услугами экспертно-аналитических структур. Ее основными ресурсами являются Институт социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ), возглавляемый Дмитрием Бадовским, который до его создания в 2012 г. работал в УВП, и Фонд развития гражданского общества (ФОРГО), руководимый Константином Костиным, экс-главой УВП. За первый год своего существования ИСЭПИ превратился в «выносной аналитический департамент» Администрации, который готовит для В. Володина аналитические продукты, занимается политическим планированием и «конструирует “Народный фронт”». Институт получил статус одного из операторов-распределителей президентских грантов на НКО. ФОРГО специализируется на подготовке аналитических материалов в области политики, регионального развития и современных медиа. В том числе – о роли НКО и распределении иностранных грантов среди них, о протестных настроениях, о фильтрации контента в Интернете [Малинова, 2013].

Администрация президента формирует государственное задание (информация о его содержании носит конфиденциальный характер) Российскому институту стратегических исследований. Институт образован указом президента и финансируется его Управлением делами. Нынешним руководителем РИСИ является бывший начальник информационно-аналитического управления Службы внешней разведки. В разгар нынешнего международного политического кризиса и обострения отношений России с западными партнерами РИСИ опубликовал на своем сайте доклад о деятельности российских исследовательских центров, научных учреждений и вузов гуманитарного профиля, получавших гранты на проведение исследований от зарубежных грантодателей, обвинив их в деятельности, направленной против интересов государства. Цель доклада – призыв к распространению действия Закона № 121-ФЗ об НКО – иностранных агентах на исследовательскую деятельность и к проверке на соответствие критериям иностранного агента Московского центра Карнеги, ПИР-центра, Фонда «Новая Евразия»,

няемой законом тайне» (курсив мой. – А.Н.). Фактически разработка документов, определяющих будущее общества, закрыта от него завесой секретности, а решение об участии (или отказе в участии) в ней организаций гражданского общества отдано на откуп властным структурам.

Левада-центра, РАПН, Института социологии РАН, структур при Российской экономической школе, РАМИ [Методы и технологии... 2014].

В целом в отношении власти к интеллектуальной элите прослеживается нежелание воспринимать ее как партнера в формировании повестки дня.

Интеллектуальная элита, СМИ и общество

Интеллектуалы добивались успеха в диалоге с властью, *опираясь на гражданское общество*, выступавшее субъектом демократических преобразований и заставлявшее власть идти на уступки [см., например: Балаян, 2010]. Участие публичных интеллектуалов заключается, прежде всего, в том, чтобы внести, через СМИ и каналы массовой коммуникации, в публичную сферу, где формируется общественное мнение, вскрытые проблемы, обосновать в процессе гражданского диалога их актуальность и мобилизовать поддержку социума, с тем чтобы побудить власть к их рассмотрению.

В таком контексте концепты *публичная сфера, гражданское общество, общественное мнение, публичная политика, гражданский диалог* отражают социальную реальность открытой политической системы. Насколько адекватны они в отношении российского режима правления, который различные авторы обозначают как *путинизм, авторитарное правление, электоральный авторитаризм*? В какой мере интеллектуалы обладают возможностью участия в гражданском диалоге и обладает ли российское общество достаточным потенциалом для того, чтобы заставить режим считаться с собой?

Как свидетельствует мировой опыт, правящие элиты видят в самоорганизации общества наибольшую угрозу своей монополии на власть. Тоталитарные и авторитарные режимы не позволяют развиваться внутри себя гражданскому обществу, они «всегда систематично старались избавиться от групп, выступающих в качестве посредников между личностью и государством» [см.: Липсет, 1992]. Им проще иметь дело с атомарными индивидами, не способными противостоять пропагандистской, административной и репрессивной мощи огромной государственной машины, чем с организованным гражданским обществом и его интеллектуальной элитой.

В ноябре 2013 г. Комитет гражданских инициатив¹ созвал Общероссийский гражданский форум «Повестка дня для России». Участники форума говорили о том, что «...сегодня Кремль вместе с официальными СМИ ведет мощнейшую контрпропаганду против гражданских активистов: дескать, все они – наймиты западных спецслужб. Именно на эту же цель работают и “показательные” судебные процессы, включая дело участников митинга на Болотной площади. Говорилось о принудительном закрытии ассоциации “Голос”, которая занималась независимым наблюдением на выборах и разрабатывала проект избирательного закона, о давлении на Московскую школу политических исследований». По словам председателя Московской хельсинкской группы Людмилы Алексеевой, сегодня гражданское общество в России сталкивается с таким жестким «завинчиванием гаек», какого не было даже в позднесоветское время [Чаблин, 2013].

Контрпропаганда официальных СМИ оказывает мощное воздействие на общественное мнение. Подводя итоги исследованию его состояния в 2013 г., руководитель Левада-центра Лев Гудков фиксирует результат этого воздействия: «Поскольку большинство скандальных законов затрагивают такие стороны общественной жизни, с которыми рядовой гражданин ежедневно не сталкивается, собственное мнение о происходящем он составить не в состоянии. Люди довольствуются мнениями, спущенными сверху, и получается, что все законы вроде бы полезны и соответствуют текущей политической повестке» [Откуда россияне узнают... 2013].

СМИ, как полагает известный исследователь массовой коммуникации Д. Маккуэйл, являются («вероятно») ключевым институтом публичной сферы, определяющим ее «качество» [цит. по: Политические коммуникации... 2013, с. 11]. В нормативном подходе им отводится функция коммуникатора, стоящего между властью и обществом и сообщаящего обществу о решениях, принимаемых властью, а власти – о проблемах общества.

Однако СМИ не придерживаются роли нейтрального посредника. В процессе коммуникации с аудиторией СМИ могут на-

¹ Комитет гражданских инициатив, возглавляемый экс-министром финансов Алексеем Кудриным, – общественная организация, созданная в 2012 г. Основной своей целью Комитет считает объединение профессионалов, совокупный авторитет которых поможет донести гражданские инициативы до любого уровня власти.

правленно ранжировать информационные поводы, выводить на первый план одни проблемы, оставляя в тени или игнорируя другие, отвлекать массовое сознание общества от реальных проблем, создавая искусственные сенсации. Конструируемая ими виртуальная реальность политики становится частью общественного сознания и руководит реальным поведением людей. В таком качестве СМИ служат средством социального контроля.

Феномен медиатизации политики, как полагают большинство исследователей, отчетливо проявляется в формировании повестки дня. Эта особая роль медиа позволяет даже исследователям говорить о существовании третьей, *медийной* повестки дня [Роль СМИ... 2012].

Левада-центр выяснил, из каких источников россияне узнают новости и каким из них они больше доверяют. Хотя проникновение Интернета и развитие сетевых коммуникаций в России в целом следуют глобальным трендам, телевидение сегодня остается самым популярным источником для 88% граждан, а более половины населения доверяет ему больше, чем каким-либо другим. По мнению 53% опрошенных, события в новостных выпусках на «Первом канале», «России» и НТВ освещаются «по большей части» беспристрастно, а по мнению 12%, – «совершенно объективно» [Политические коммуникации... 2013].

Потенциал воздействия на общественное сознание массмедиа и прежде всего телевидения с его способностью эффективнее других мифологизировать политическую действительность, делает их объектом пристального внимания власти, стремящейся превратить их в инструмент управления общественным мнением, формирования у людей таких восприятий, знаний и предпочтений, которые обеспечили бы приятие ими существующего режима.

Что представляют собой федеральные вещательные медиа России с наибольшим охватом населения, которым оно так охотно доверяет, и кто эти медиа контролирует?

• **Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания** – медиахолдинг, имеющий филиалы во всех регионах страны. Ему принадлежат общероссийский телеканал «Россия-1», общероссийский информационный телеканал «Россия-24», информационно-познавательный телеканал московского региона «Москва-24» (по заказу правительства Москвы), те-

леканал «История» о российской и мировой истории и ряд других каналов. Среди интернет-проектов ВГТРК – Государственный интернет-канал «Россия», информационный интернет-портал «Вести.ру». В рамках формирования третьего мультиплекса цифрового телевидения России холдингу поручено создание регионального общедоступного телеканала в каждом субъекте РФ. Ему переданы функции и имущество Гостелерадиофонда.

• **ОАО «ПЕРВЫЙ КАНАЛ»** охватывает 98,8% населения России. По состоянию на ноябрь 2012 г. контрольный пакет телеканала принадлежал государству (51%), 25% – «Национальной медиагруппе» Юрия Ковальчука¹, остальные акции – структурам Романа Абрамовича.

• **НТВ** – общероссийский телеканал круглосуточного вещания. Собственник – холдинг ОАО «Газпром-Медиа», ему же принадлежат ТНТ, радиостанции «Эхо Москвы», «Сити FM», Relax-FM, издательство «Семь дней» и другие СМИ. Фактический контроль осуществляет «Газпром», государству принадлежат 50% плюс 1 акция [Ad_Index.ru].

Независимость СМИ является одним из ключевых критериев публичности политики, необходимым условием эффективной деятельности публичных интеллектуалов. Международная неправительственная организация «Репортеры без границ» представила недавно очередной выпуск «Всемирного индекса свободы прессы 2014–2015». Индекс оценивает степень свободы, которой пользуются журналисты и информационные организации, включая печатные, вещательные и онлайн-СМИ, а также уважение властью этой свободы. Россия в списке 180 стран заняла 152-е место, после Гамбии, опустившись за год на четыре позиции [Всемирный индекс свободы прессы, 2015]².

¹ Председатель совета директоров и основной акционер банка «Россия», 132-й в Списке двухсот богатейших бизнесменов России – 2015 по версии журнала *Forbes* [Юрий Ковальчук, 2015]. НМГ владеет также 25,01% акций «СТС Медиа», 72,3% акций газеты «Известия», 100% акций радиостанции Русской службы новостей, новостным сайтом LifeNews.ru и рядом других медийных ресурсов.

² Исследование основано на методологии экспертных оценок. Выводы о состоянии свободы СМИ в той или иной стране делаются на основе 43 показателей, включая такие, как преследование журналистов (убийства, лишение свободы, физическое насилие и угрозы) и средств массовой информации (цензура, запреты и

Можно было бы сослаться, как это часто практикуется российскими политиками, на предвзятость западных специалистов и недостаточное знание ими реальной ситуации в стране. Но оценки *Всемирного индекса* коррелируются с результатами отечественных исследований. Так, Александр Соловьев приходит к выводу, что характер и содержание информационных потоков, инициируемых основными СМИ, целиком и полностью контролируется государством [Соловьев, 2013]. Контроль власти над национальными телеканалами и ведущими печатными органами дублируется самоцензурой журналистов, понимающих, чего хочет от них власть. Разнообразие позиций и точек зрения в СМИ допускается *исключительно в сфере сообщений, безопасных для власти*.

В результате, как отмечает социолог Борис Дубин, «уже на первом и втором путинском сроке (и тем более на третьем, под псевдонимом, и на четвертом) страна превратилась в придаток к телевизору. Тогда исследователи общественного мнения осторожно, между собой, обсуждали, что, вообще говоря, мы изучаем эффект СМИ, а не общественное мнение, о котором не может быть речи» [Дубин, 2014].

Система принятия государственных решений – эта сердцевина любого режима правления – отделена информационными барьерами от граждан и интеллектуальной элиты.

По данным Л. Гудкова, 85% граждан говорят, что не в состоянии влиять на принятие решений. При этом на вопрос: «Хотели бы вы оказывать влияние [на принятие политических решений], если бы у вас были возможности к этому?», – 80% также говорят «нет». Причина, как полагает Л. Гудков, состоит в том, что «технология господства власти держится на удержании масс в состоянии апатии и отказа от политического участия» [Гудков, 2014].

Гуманитарными научными сообществами проблемы общественной повестки дня обсуждаются преимущественно на своих профессиональных публичных площадках – семинарах, конференциях, конгрессах. Но они, по сути, изолированы от широкой пуб-

конфискации выпусков изданий, закрытие изданий), а также уровень самоцензуры в СМИ, степень их политической и финансовой зависимости, состояние правовой среды в сфере СМИ (штрафы, государственная монополия, существование регулирующего органа), возможность свободного доступа граждан к Интернету и пр.

лики. Генерируемые ими тексты циркулируют также в рамках их собственной профессиональной среды, не выходя за ее пределы.

Когда публичным интеллектуалам перекрыты каналы коммуникации с обществом, им весьма проблематично найти к нему дорогу и заручиться поддержкой, тогда как власть может навязывать обществу свою повестку дня, почти не оставляя возможности для трансляции иных взглядов.

По уровню влияния интеллигенция занимает в общественном мнении россиян, согласно данным опроса Левада-центра, предпоследнее 19-е место в списке 20 институтов, от президента до профсоюзов [Левинсон, 2015].

Вместо заключения: Какое будущее может быть у страны без интеллектуалов?

За последние полтора года российские ученые стали чаще уезжать из России [Калюков, 2015]. Среди основных факторов, препятствующих их возвращению, – усиливающиеся авторитарные тенденции, слабость гражданского общества, отсутствие свободы самовыражения (особенно важное для интеллектуальной элиты) [Меркушев, 2009, с. 31].

Н. Моисеев, размышляя в октябре 1993 г. о российской интеллигенции, ее судьбе и ответственности, писал: «Исчезновение интеллигенции или исключение ее из духовной жизни общества – это трагедия для нации. Это может кончиться ее нравственной смертью». Он считал, что «именно интеллигенция только и может» сформировать представление о желаемом будущем, о национальных целях, без видения которых «любому народу выжить очень трудно, а сохранить культуру невозможно» [Моисеев, 2002].

В октябре 2014 г. Л. Гудков констатирует: «Вы заметили, чтобы кто-нибудь говорил сегодня о будущем? Эта категория практически исчезла. Нет будущего. Есть апелляция к прошлому, героическому прошлому, к нашим традициям... Реально в стране и обществе, и это следствие авторитарного режима, стерилизующего, кастрирующего политику, то, что исчезла идея будущего. Никто не знает... В лучшем случае, говорят о катастрофизме. Вполне реально» [Гудков, 2014].

Список литературы

- Алферов Ж.И.* Открытое письмо президенту РФ В.В. Путину академика РАН Алферова Ж.И. – М., 2013. – 25 июля. – Режим доступа: http://polit.ru/article/2013/07/30/alferov_to_putin/ (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Балаян А.* Роль интеллектуалов в процессе модернизации Франции, Японии и Польши // Пути модернизации. Траектории, развилки, тупики / В. Гельман, О. Маргания. (ред.). – СПб: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2010. – С. 261–294.
- Всемирный индекс свободы прессы. Центр гуманитарных технологий. 2015 / Центр гуманитарных технологий. – М., 2015. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/worldwide-press-freedom-index/info> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Гринберг Р.С.* Открытое письмо президенту РФ В.В. Путину директора ИЭ РАН, члена-корреспондента РАН Р.С. Гринберга. – М., 2012. – 26 июня. – Режим доступа: http://inecon.org/docs/Letter_Grinberg_Putin.pdf (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Гудков Л.* В проекте «Эхо Москвы»: Российская элита на оси политических координат. – М., 2014. – 8 октября. – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/exit/1413520-echo/> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Даль Р.* Демократия и ее критики / Пер. с англ.; под ред. М.В. Ильина. – М.: РОССПЭН, 2003. – 576 с. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/252191/> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Деятельность Общественной палаты и Госдумы: Пресс-выпуск // Левада-центр. – М., 2014. – 24 февраля. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/24-02-2014/deyatelnost-obshchestvennoy-palaty-i-gosdumy> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Дубин Б., Шубина М.* Нам нести всю тяжесть расплаты: Неопубликованное интервью. – М., 2014. – 21 августа. – Режим доступа: <http://www.colta.ru/articles/society/4319> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Зайцев А.В.* Делиберативная демократия как институциональный диалог власти и гражданского общества // *НВ: Проблемы общества и политики.* – М., 2013. – № 5. – С. 29–44. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/pr/article_689.html (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Калюков Е.* «Утечка мозгов» из России увеличилась за последние полтора года // РБК. – М., 2015. – 25 марта. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/society/24/03/2015/551134c29a794772d49866d> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Кому принадлежат российские телеканалы // *Ad_Index.ru.* – М., 2013. – 17 апреля. – Режим доступа: <http://adindex.ru/publication/analytics/channels/2013/04/17/98416.phtml> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Кремль, Минюст и МВД РФ сочли «античиновничий закон» излишним // *РИА Новости.* – М., 2015. – 9 февраля. – Режим доступа: <http://ria.ru/society/20150209/1046709244.html> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Левинсон А.* Наше «мы»: Самые влиятельные институты // *Ведомости.* – М., 2015. – 18 апреля. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/columns/2015/02/16/nashe-mi-samie-vliyatelnie-instituti> (Дата посещения: 21.05.2015.)

- Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. – М.: РОССПЭН, 2001. – Режим доступа: <http://grachev62.narod.ru/led/content.htm> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Литсет С.М.* Размышления о капитализме, социализме и демократии. – М., 1992. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/antolog/predely/1/dem2-1.htm> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Малинова О.Ю.* Экспертно-аналитические организации и формирование общественной повестки дня: анализ идеологических практик в современной России // Политическая наука. – М., 2013. – № 4. – С. 192–210.
- Методы и технологии деятельности зарубежных и российских исследовательских центров, а также исследовательских структур и вузов, получающих финансирование из зарубежных источников: анализ и обобщение: Доклад / Российский институт стратегических исследований. – М., 2014. – 6 марта. – Режим доступа: <http://www.riss.ru/analitika/2797-rossijskie-issledovatel'skie-tsentry-i-vuzy> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Моисеев Н.Н.* Как далеко до завтрашнего дня... Свободные размышления. 1917–1993 гг. – М.: Тайдекс Ко, 2002. – Режим доступа: http://www.ccas.ru/manbios/kak_daleko_g.html (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Откуда россияне узнают новости: Пресс-выпуск // Левада-центр. – М., 2013. – 8 июля. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/08-07-2013/otkuda-rossiyane-uznayut-novosti> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Политические коммуникации в изменяющейся России: Сб. науч. ст. / Тимофеева Л.Н. (ред.). – М., 2013. – 161 с.
- Роль СМИ в устранении рассогласованности «повесток дня» в России: к постановке проблемы // Политическое управление: научный информационно-образовательный электронный журнал. – Тамбов, 2012. – № 01(02). – С. 5–25. – Режим доступа: <http://www.pu.virmk.ru/arhiv/2012/01/02.pdf> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Сивкова А.* «Есть Путин – есть Россия. Нет Путина – нет России» // Известия. – М., 2014. – 22 октября. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/578379> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Соловьев А.И.* Медиаспособности государства как фактор развития российского общества: проблемы и практики // Политические коммуникации в изменяющейся России / Под ред. Л.Н. Тимофеевой. – М., 2013. – С. 17–24.
- Стеркин Ф.* Человек недели: Дмитрий Медведев // Ведомости. – М., 2013. – 18 ноября. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/18872521/dmitrij-medvedev#ixzz2l03uiC7b> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Стратегия возвращения российской интеллектуальной элиты / Меркушев В.Н. (ред.). – М.: ЕСПИ, 2009. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/77/273/783.php> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Сурначева Е.* Центр управления демократией // Коммерсантъ Власть. – М., 2013. – № 15, 22 апреля. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2167169> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Терентьев И., Соколов А.* 25 самых громких инициатив и поступков депутатов Госдумы в 2014 году // РБК. – М., 2014. – 31 декабря. – Режим доступа:

- <http://daily.rbc.ru/photoreport/31/12/2014/54a18bcd9a7947147c744e71> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». – М., 2014. – Режим доступа: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?3641178> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Фундаментальная наука и будущее России: Открытое письмо ученых Президенту и Председателю Правительства Российской Федерации. – М., 2009. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/10/05/uchenye.html> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Чаблин А. Общество должно контролировать власть // Открытая. Для всех и каждого. – Ставрополь, 2013. – № 46 (589). – Режим доступа: <http://www.opengaz.ru/issues/46-589/obschestvo-dolzno-kontrolirovat-vlast.html> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Чеснаков А. Шестью шесть // Известия. – М., 2012. – 10 мая. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/524018> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Что такое «Российская общественная инициатива» (РОИ)? – Б. г. – Режим доступа: <https://www.roi.ru/page/about/> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Шубенкова А. Программно-стратегические документы в государственной политике Российской Федерации: институциональный анализ: Диссертация ... кандидата полит. наук. – М.: НИУ ВШЭ, 2014. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/sci/diss/126036383> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Юрий Ковальчук // Forbes. – М., 2015. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/profile/yurii-kovalchuk> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Dalton R.J., Scarrow S.E., Cain B.E. Democracy transformed?: Expanding political opportunities in advanced industrial democracies: Paper 03–04 / Center for the study of democracy, Univ. of California. – Irvine. 2003. – Mode of access: <http://repositories.cdlib.org/csd/03-04> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Economist intelligence unit. Democracy Index 2014. – 2014. – Mode of access: http://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=Democracy0115 (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Miller E.S. Using the web for greater government openness and transparency // The business of government. – Washington, D.C.: The IBM center for the business of government, 2009. – P. 50–54. – Mode of access: http://www.businessofgovernment.org/magazine_edition/fallwinter-2009-edition?page=1 (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Somin I. Democracy and political ignorance // Cato unbound: A journal of debate. – Washington, D.C., 2013. – October 11. – Mode of access: <http://www.cato-unbound.org/2013/10/11/ilya-somin/democracy-political-ignorance> (Дата посещения: 21.05.2015.)